

Одно слово – Добрынин

ДАТА

Сегодня исполнилось бы 90 лет Анатолию Михайловичу Добрынину. Трудно представить его дряхлым стариком, тихо доживающим свой век в домашнем уюте. Он умер, не дожив месяц до 66 лет, и остался в памяти широкоплечим здоровяком, внешне неторопливым, но буквально бурлящим изнутри. Его энергию ощущал каждый, кто оказывался рядом.

Директор Ярославского моторного завода, генеральный директор объединения «Автодизель», где тогда работало 40 тысяч человек, Герой социалистического труда, лауреат Государственной и Ленинской премий, он нес груз всех своих титулов и званий с подобающим тому времени достоинством. Его массивная фигура громоздилась в президиумах всех собраний, он был делегатом всех проходивших тогда съездов КПСС, принимал на заводе членов политбюро, министров, первых лиц братских республик и лидеров соседних государств.

Завод выпускал двигатели для всех большегрузных автомобилей и тракторов, работавших в огромной стране. Иностранн машин практически не было, все свои: МАЗы, КРАЗы, «Кировцы», супер-грузовики БелАЗы – и на всех стояли ярославские моторы. Во время военных парадов Красная площадь прогибалась под тяжестью огромных ракет – их везла спецтехника тоже с двигателями ЯМЗ, о чем, правда, тогда вслух не говорили.

Он пришел на завод в апреле 1961 года, когда здесь рождалось знаменитое семейство четырехтактных двигателей, остающихся до сих пор основной продукцией предприятия. Что значило тогда быть директором? Разные люди, наверное, поняли бы это по-разному. Добрынин понял так, что надо строить. Глядя из сегодняшнего далека, убеждаешься, что он по существу всю свою жизнь

посвятил реконструкции завода, созданию новых мощностей. Перечень первых объектов, которые при нем начали вводиться один за другим, говорит сам за себя: инженерный корпус, экспериментальный цех, первый бокс испытательной станции, по своему оснащению единственной тогда в автомобильной промышленности. Создавались условия для конструкторских и научно-исследовательских работ на принципиально новом уровне, появился задел на многие годы вперед.

Некоторые говорят об этом времени как о периоде технического романтизма. Вряд ли. Одновременно строились и остро необходимые тогда механообработывающие, сборочные, литейные, другие производственные цеха. А кроме всего прочего был государственный план, который ценой огромного напряжения, ценой авралов, рабочих суббот, любой ценой нужно было выполнять. И выполняли – какой уж тут романтизм!

Человек, варившийся в самой гуще этих событий, меньше всего был похож на романтика. На еженедельных оперативных совещаниях работу микрофонов, по условиям того времени, обеспечивал заводской радиоузел. Он находился в другом здании, и, наладив все, что надо, связисты контролировали качество звука из своей комнатухи. В аппаратной гремел голос Добрынина, который разносил подчиненных, не стесняясь в выражениях. Увидев на пороге молоденькую сотрудницу заводского радио, пришедшую для записи очередной передачи, связисты убавляли звук: «Ты бы погуляла еще минут десять, пока оперативка не закончится».

Рассказывают, что один новый на заводе человек, недавно назначенный начальником

ФОТО ИЗ АРХИВА.

цеха, однажды возмутился. Не желаю, мол, слушать от вас подобные слова. Добрынин ответил вопросом: «Ты премии получаешь?» «Получаю, и что?» «А то, что если что не так, я тебя лучше обматерю, а премию потом все-таки дам».

Впрочем, он ругал только начальников, с рабочими был неизменно вежлив, со всеми здоровался, а мастеров чуть ли не всех в своем огромном хозяйстве величал по имени-отчеству.

Рабочий день директора заканчивался в десять вечера, а начинался рано утром.

Бывший мастер прессового цеха рассказывал: «Я ходил к семи часам на работу и всегда встречал в проходной Добрынина. Поздоровается за руку, спросит, что и как. Что надо, я всегда к нему, и он всегда решал».

А другой мастер сказал: «Если он не хотел или не мог что-то решить, то говорил прямо. Никогда не затягивал, как некоторые, мол, «подумаем», «посмотрим».

По поводу того, где начинался рабочий день Анатолий

Михайловича, сведения, правда, расходятся.

Бывшая работница инструментально-штампового корпуса вспоминает: «Напротив нашей раздатки, где мы работали вчетвером, строился тогда рачиной зал. Пока шла стройка, Добрынин в семь утра уже там. Ежедневно!»

Конструктору Л. запомнилось вот что: «Завод тогда строил своими силами жилье. Работали по очереди и мы, молодые специалисты. В семь часов утра на стройке начиналась оперативка – обязательно с участием директора».

Несмотря на занятость, попасть на прием к нему мог при желании каждый. Жители построенного заводом дома по Тутаевскому шоссе целый год не могли дожидаться горячей воды. В конце концов выбрали делегацию. Выслушав посланцев, Добрынин набылчился и, обращаясь к своему заму по быту, произнес только одно слово: «Когда?» Тот начал объяснять, директор перебил, повторив опять: «Когда?» Тот попытался объяснить еще раз и снова был остановлен. «Через

неделю, Анатолий Михайлович, вода будет». «Вот с этого бы и начинал». Жители дома до сих пор помнят: ровно через неделю, как раз к празднику 8 Марта, горячую воду дали.

Ослушаться Добрынина никто не решался. Но странное дело – несмотря на явный авторитаризм, он не боялся разумного «разделения власти», присутствия в своем окружении людей, которые потенциально могли тоже претендовать на первые роли. Все годы рядом с ним был главный конструктор Георгий Дмитриевич Чернышев. «Хорошая была компания, не скажешь, кто главнее», – по-моему, очень точно сформулировали в экспериментальном цехе. Виталий Алексеевич

Долецкий, тогда главный инженер: «Каждый из нас занимался своим делом. За Добрыниным – создание новых мощностей, план, за мной – инженерные вопросы. Мы как бы дополнили друг друга». Подковерных сражений не было. Дискуссии – да. Иногда очень острые, но на публику они не выходили. В доме должен быть один хозяин и на заводе тоже. За глаза директора так и звали – Хозяин.

Каждый день он объезжал завод на своей «Волге», заходил в каждый цех и обо всем знал не понаслышке: что делается в кузнице, что на сборке, что в кулинии. Как-то его шути упрекнули: «Сколько у тебя, Анатолий Михайлович, директоров развелось: директор комбината общественного питания, директор хоккейного клуба, директор «Лазурного», директор Дворца культуры...» Тот только усмехнулся, да все и так знали: он любил, чтобы звучало.

Сам он с некоторых пор стал генеральным, было создано объединение. Долго выбирали название. С учетом расширяющихся международных

связей рассматривалось несколько вариантов англоязычных, но Добрынин настоял: оно должно быть только русское. Так появился «Автодизель».

Он был по-настоящему русским человеком: широким, умным. По происхождению тверской, из-под Бежецка, начал с ученика ФЗУ на авиационном заводе в Рыбинске, окончил техникум, институт, дорос до заместителя директора и уже оттуда получил назначение на наш моторный. В ярославскую действительность врос крепко, а с заводом, можно сказать, сроднился. Они были ровесниками: завод основан в 1916 году, когда Добрынин родился.

То ли из-за совпадения дат, то ли еще почему он решительно поддержал идею создания заводского музея. Группа специалистов бюро технической эстетики была командирована в Москву и Ленинград с заданием выбрать самые новые, самые лучшие учреждения подобного рода. В результате за образец был взят только созданный тогда музей Советской армии, заказано оборудование, в том числе у себя на заводе. Когда кто-то заикнулся, что цехи и так перегружены, Добрынин побагровел: «Если кто станет тянуть, докладывать мне лично».

Это был единственный директор, который, бывая во Дворце культуры, ни разу не обошел стороной музей. Два просторных зала за стеклянной дверью были первыми, куда он вел очередных гостей. Для рассказа о давнем прошлом отводилось минут пятнадцать, а когда дело доходило до стендов, посвященных сегодняшнему дню, Добрынин отбирал указку у директора музея и продолжал экскурсию сам. Случалось, именно здесь, в окружении моделей автомобилей и двигателей, завершались важные деловые переговоры.

Анатолий Михайлович Добрынин умер в 1982 году. Годы его работы совпали с самым плодотворным, самым ярким временем в истории завода. Умер рано, всю жизнь, оказывается, был сердечником. Кто бы мог подумать!

Татьяна ЕГОРОВА.